

О ВОЙНЕ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ: РАЗВИТИЕ СРЕДСТВ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ И ВОЕННОЙ МЫСЛИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Интервью: Андрей КОКОШИН
Беседовал: Максим СУЧКОВ

Аннотация: Проблематика войны как политического и социального феномена – одна из центральных в политологии и науке о международных отношениях. Это тема, где теория и практика переплетаются наиболее тесно и обновляются наиболее часто, каждый новый военный конфликт открывает новые грани войны и мира для исследователей, военных и политикоформирующих кругов. Внутри этой большой темы традиционно развивается целый ряд смежных дисциплин и подтем, некоторые из которых стали особенно актуальны в контексте нарастающего междержавного соперничества в глобальном масштабе и в отдельных регионах мира. Что представляют собой сегодня «сдерживание» и «эскалация»? В какой степени внешнеполитическая стратегия государства определяется его «стратегической культурой»? Насколько идеи великих военных мыслителей прошлого актуальны для современных и будущих войн? В центре всех этих сюжетов вопрос эволюции средств вооруженной борьбы: как они меняются и к чему может прийти человечество вследствие «самонадеянности силы» некоторых государств. Эти вопросы редакция «Сравнительной политики» обсудила с одним из ведущих отечественных специалистов в области военно-политических, социально-экономических и технологических аспектов международной и национальной безопасности академиком РАН А.А. Кокошиным, в прошлом занимавшим посты первого заместителя Министра обороны РФ, секретаря Совета обороны, секретаря Совета безопасности РФ.

Ключевые слова: стратегическая культура, прогнозирование, средства вооруженной борьбы, война, стратегия, планирование, эскалация, сдерживание, Свечин, Клаузевиц, Сунь Цзы

Андрей Афанасьевич Кокошин – доктор исторических наук, профессор, академик РАН и Российской академии ракетно-артиллерийских наук (РАРАН), директор Института перспективных стратегических исследований, НИУ ВШЭ.

ORCID: 0009-0009-0740-6509. E-mail: aakokoshin@gmail.com
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Максим Александрович Сучков – кандидат политических наук, доцент Кафедры истории и политики стран Европы и Америки, директор Института международных исследований, МГИМО МИД России; шеф-редактор журнала «Сравнительная политика».

ORCID: 0000-0003-3551-7256. E-mail: suchkov.m@my.mgimo.ru
119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

Поступило в редакцию: 25.07.2024

Принято к публикации: 23.08.2024

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития No 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Максим Сучков (М.С.): Более двадцати лет назад в своей монографии «Стратегическое управление» (Кокошин, 2003) Вы поставили вопрос о необходимости изучения стратегических культур различных стран. Сегодня эта тема занимает все больше отечественных и зарубежных исследователей. Что Вы подразумеваете под стратегической культурой?

Андрей Кокошин (А.К.): В целом, считаю представленное мной в той книге определение по-прежнему актуальным.

Под стратегической культурой следует понимать совокупность характеристик устойчивого поведения соответствующего государства (нации-государства) прежде всего при масштабном по политическим и военным целям применении им военной силы, в том числе при подготовке, принятии и реализации стратегических решений. Стратегическая культура является атрибутом не только вооруженных сил или даже государственной машины, а всего народа в целом. Стратегическая культура – это долговременный, весьма инерционный, в значительной мере социопсихологический феномен, который действует почти с одними и теми же характеристиками при смене высших государственных деятелей и военного командования, и даже при смене политических систем и режимов. Ярко выраженные черты национальной стратегической культуры имеются у всех ведущих (для того или иного исторического периода) государств.

В книге я писал о том, что можно, например, говорить о германской стратегической культуре в период примерно с 1860-х гг. до поражения гитлеровской Германии во Второй мировой войне (ВМВ) в 1945 г. Явно выраженной стратегической культурой обладает Китайская Народная Республика, впитавшая в себя и ряд черт военной мысли древнего Китая. Свои отличительные характеристики имеет англосаксонская стратегическая культура, все более «американизирующаяся» по мере утраты «стратегического лица» Британией. Яркие черты свойственны и отечественной стратегической культуре, которая в значительной мере зародилась в эпоху гигантских преобразований Петра Великого, создания им регулярной армии и военно-морского флота. Огромное влияние на нашу стратегическую культуру, разумеется, оказал опыт Великой Отечественной войны, в которой наша страна одержала самую выдающуюся в мировой истории победу. Можно говорить о наличии собственной стратегической культуры у Социалистической Республики Вьетнам и Государства Израиль. О последней, в частности, интересно пишет видный израильский ученый в политико-военной области, профессор Дмитрий Адамский (Adamsky, 2010).

М.С.: Что, по Вашему мнению, является истоком самой стратегической культуры какой-либо страны?

А.К.: Стратегическая культура – это прежде всего продукт осмысления исторического опыта нескольких поколений политико-военных действий и опыта непосредственного ведения вооруженной борьбы на стратегическом, оперативном и тактическом уровне. При осмыслении такого опыта создается

устойчивый набор представлений, стереотипов, но возможны и ошибки, пробелы, недостаточно полная картина факторов, обстоятельств, планов сторон, некорректная интерпретация адекватности их усилий.

В свое время у нас были серьезные проблемы с анализом опыта Первой мировой войны (ПМВ), Гражданской войны в России, осмыслением и обобщением опыта этих войн. Это во многом было связано с трагическими судьбами тех отечественных военных ученых и специалистов, военачальников, которые исследовали этот опыт в 1920-е – 1930-е гг. и стали жертвами репрессий. Дефицит соответствующих исследований, на мой взгляд, сохраняется до сих пор.

На десятилетия по политико-идеологическим причинам затянулось и полномасштабное изучение опыта Великой Отечественной войны. Наиболее сложным, во многом болезненным, был всесторонний анализ ее трагического, крайне тяжелого для нас первого периода. Особенно остро стояла задача соотнести богатейший опыт этой войны с радикально новыми условиями «ядерного века», ведь появление ядерного оружия знаменовало крупнейшую революцию в военном деле.

В познании стратегической культуры различных стран должны быть учтены уроки локальных войн второй половины XX века и первой четверти XXI века. Хотел бы отметить несколько серьезных исследований отечественных авторов, в первую очередь в нашей Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил. В их числе коллективный труд «Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах» (2008 г.) под общей редакцией генерал-полковника Александра Сергеевича Рукшина, в свое время успешно руководившего Главным оперативным управлением Генерального штаба ВС РФ.

Такого рода исследования должны сопрягаться с политологическим анализом конкретных конфликтных и кризисных ситуаций, в рамках которых происходило применение военной силы. Выдающийся отечественный военный теоретик Александр Андреевич Свечин в свое время подчеркивал, что нельзя изучать историю войн и военного искусства в отрыве от политической истории. Об этом его завете у нас нередко забывают, в том числе в серьезных военно-научных исследованиях локальных войн.

М.С.: Вы в последнее время работаете над изучением темы долгосрочных и среднесрочных тенденций и закономерностей в эволюции средств вооруженной борьбы. Даже на обывательском уровне заметно, что с момента начала Специальной военной операции (СВО) России и фактического противостояния с коалицией западных государств средства вооруженной борьбы, как и контр-средства, существенно эволюционировали. Что Вам как профессионалу кажется в этом вопросе особенно важным и как это способно, по Вашему мнению, повлиять на характер прогнозирования в военной сфере в среднесрочной и долгосрочной перспективе?

А.К.: Говоря об эволюции средств ведения вооруженной борьбы в ходе конфликта на Украине, нашего противостояния с «коллективным Западом»,

нужно заметить, что в основном речь не идет о каких-то радикально новых технологиях и системах. Практически все эти средства были известны и имелись в тех или иных масштабах у противостоящих сторон еще до начала конфликта. Другое дело, что эти средства по-разному проявили себя в ходе реальных боевых действий, и в каких масштабах, в каком количестве, в каких формах вооруженной борьбы применяются эти средства.

Военная техносфера становится все более сложной и многомерной, тесно взаимодействует с гражданской техносферой. Последняя в целом развивается более быстрыми темпами и в значительно более широких масштабах. При этом темпы изменений в техносфере намного опережают темпы понимания закономерностей ее развития. Закономерности развития военной техносферы во всем их многообразии остаются слабо исследованным предметом. Такие исследования требуют высокой квалификации, скрупулезного отношения к фактам, данным. Пока они, по моему мнению, мало востребованы лицами, принимающими решения. Существует насущная потребность в долгосрочном и среднесрочном военно-техническом прогнозировании в тесной увязке с политико-военными прогнозами относительно перспективных форм и способов ведения вооруженной борьбы – в тактическом, оперативном и стратегическом масштабах. Понимание ключевых тенденций, осмысление закономерностей в эволюции средств вооруженной борьбы необходимо для достижения Россией безусловного успеха в СВО, для более широких задач в политико-военном и военно-экономическом противостоянии России с «коллективным Западом», которое носит долговременный и многоплановый характер, для выстраивания самой системы обеспечения национальной безопасности России. Выявление таких тенденций и закономерностей – необходимое условие такого прогнозирования. Общепринято, что такое прогнозирование должно служить едва ли не главным фундаментом для среднесрочного и долгосрочного планирования в строительстве Вооруженных сил, в развитии оборонно-промышленного комплекса.

Здесь хотел бы заметить, что имеющийся отечественный, да и зарубежный опыт прогнозирования такого рода, не самый обнадеживающий. Этот вывод я делаю на основе моего личного опыта – применительно и к многолетней научно-аналитической деятельности, и практической работе в качестве потребителя прогнозов в Министерстве обороны, в Совете обороны и в Совете безопасности России.

Иного учителя, кроме истории, у нас нет. Заглянуть на основе исторического анализа в будущее – задача крайне сложная. Серьезный прогноз – дело и трудоемкое, и наукоемкое. Чтобы заглянуть сейчас в будущее на 10–15 лет вперед, надо знать, как развивался объект прогнозирования 30–40 и более лет до настоящего времени. Еще более сложная задача прогнозировать на 20–30 лет. Здесь надо оперировать даже более долговременными историческими категориями с периодом 100 и более лет. Мне много раз приходилось сталкиваться с тем, что разработчики прогнозов игнорируют это требование, часто полуинтуитивно занимаясь линейной экстраполяцией лишь новейших

тенденций, тем самым упуская из виду возможность циклического развития в будущем, аналогичного в чем-то циклическому развитию в прошлом.

Развитие военной техносферы происходило и происходит под влиянием представлений о будущей войне и под воздействием осмысления опыта войн, которые уже были. В свою очередь значительную роль играет и обратный процесс – развитие тех или иных видов военной техники (и оценки ее кумулятивного воздействия на характер будущих войн и вооруженных конфликтов) неоднократно оказывало значительное воздействие на тактические и оперативные формы и, в конечном итоге, на военную стратегию. Под осмысленным воздействием появлявшихся средств ведения вооруженной борьбы менялись системы управления, организация войск, их оргштатной структуры. Это актуально в условиях первой четверти XXI века с его нарастанием темпов и масштабов научно-технологических изменений (особенно в гражданской коммерческой сфере), которые по целому ряду направлений происходят едва ли не лавинообразно, что в первую очередь касается развития микроэлектроники, высокопроизводительных вычислений, технологий ИИ, робототехники, космических средств и др.

В ходе военных действий на Украине с использованием широкого спектра средств рельефно обозначились некоторые тенденции, которые складывались еще в предыдущие годы, лет 15–20 назад. Прежде всего, это непрерывное нарастание широкого комплекса информационно-коммуникационных технологий и средств – разведки, целеуказания, радиоэлектронной борьбы, боевого управления, проведения операций в киберпространстве. Все эти средства были «нерапортоемкими», если использовать выражение, имевшее хождение среди ветеранов Военно-промышленной комиссии при Совмине СССР.

У всех на слуху сейчас все более массовое применение беспилотных летательных аппаратов в разведывательно-ударном варианте, барражирующих боеприпасов. Но роль этих средств определяется прежде всего возможностями информационно-коммуникационных технологий. Здесь не могу не вспомнить, насколько оправданными были усилия по развитию средств электронно-вычислительной техники по специальной программе «Интеграция СВТ» в 1990-х годах, в мою бытность в Министерстве обороны РФ. Тогда в неимоверно сложных бюджетно-финансовых условиях мы вложили немалые усилия и в систему космической навигации «Глонасс», развитие различных средств разведки, радиоэлектронной борьбы. Хочу отметить, что в работе по созданию системы «Глонасс» большую роль сыграл командующий Военно-космическими силами (ВКС) генерал-полковник Владимир Леонтьевич Иванов; отмечу, что ВКС имели полное право на существование как самостоятельный род войск в силу специфики вооруженной борьбы в космосе.

В рамках СВО проявили себя, в частности, мини- и макро-БПЛА, применение которых значительно повысило осведомленность об обстановке на тактическом уровне вплоть до командиров отделений. Речь идет о массовом применении сравнительно дешевых аппаратов, заимствованных

преимущественно из коммерческого сектора. Уже на протяжении ряда лет стоит вопрос о «роевом» использовании многих сотен БПЛА, что требует решения ряда технических и организационно-управленческих задач. Создание «роевых группировок» беспилотников, пригодных для использования в полевых условиях, будет еще одним качественно новым средством ведения вооруженной борьбы.

При оценке характера применения средств ведения вооруженной борьбы в современных условиях необходимо иметь в виду и то, что большую роль продолжают играть системы и технологии, которые разрабатывались еще 30–40 лет назад, разумеется, впоследствии модернизируясь. Это относится в том числе к реактивным системам залпового огня, ствольной артиллерии (особенно калибром 152 и 155 мм), различным видам бронетанковой техники, ко всему спектру разведывательных спутников, к средствам радиоэлектронной борьбы, оперативно-тактическим ракетным комплексам. Если говорить о Вооруженных силах России, то здесь надо отметить ряд систем, которые удалось создать в 1990-е годы, несмотря на огромные трудности этого периода. В их числе фронтовой бомбардировщик «Су-34», оперативно-тактический ракетный комплекс «Искандер», крылатые ракеты большой дальности «Х-101», «Калибр», зенитно-ракетный комплекс С-400 «Триумф», ударный вертолет К-52 «Аллигатор», зенитный ракетно-пушечный комплекс «Панцирь» и др. Во многих случаях замысел создания таких систем берет свое начало в 1980-е годы.

М.С.: Когда мы изучаем долговременные закономерности и тенденции в эволюции средств вооруженной борьбы, какие исторические периоды представляются, скажем так, системообразующими?

А.К.: Точкой отсчета для выявления и анализа долгосрочных тенденций в развитии вооружений и военной техники (ВВТ) для меня явилась прежде всего Первая мировая война (ПМВ). Она характеризовалась среди прочего массовым использованием новых видов ВВТ, включая танки, истребительную, штурмовую, бомбардировочную и разведывательную авиацию, особенно на ее заключительном этапе. Одной из особенностей Первой мировой войны было массовое применение тяжелой полевой артиллерии, что в немалой мере способствовало скачкообразному росту доли потерь от артогня по сравнению с огнем от стрелкового оружия. И это несмотря на массовое применение в ходе ПМВ станковых, затем и ручных, легких пулеметов. Такое положение дел сохранилось во Второй мировой войне и сохраняется, по оценкам многих специалистов, в современных условиях.

В ходе Второй мировой войны (для нас Великой Отечественной войны) получили развитие и средства, зародившиеся в ходе ПМВ, и большое число для того времени новейших средств. В воюющих странах масштабы производства вооружений и военной техники были колоссальными – танки, самоходные артиллерийские установки, самолеты, боеприпасы. Советские оружейники продемонстрировали выдающиеся достижения, в том числе с точки зрения технологичности и экономичности. Ярко проявилось значение

контрбатарейной борьбы, зародившейся в ходе ПМВ и получившей мощный импульс в ходе Великой Отечественной войны. Эта тема весьма актуальна и в современных условиях.

Многое из того, что зародилось в ходе ВМВ, получило свое развитие в послевоенный период в XX в., а затем и в XXI веке. Это относится к реактивной авиации, баллистическим и крылатым ракетам, зенитно-ракетным средствам, к управляемым авиационным ракетам «воздух-воздух», к радиоразведке, криптографии и дешифровке, средствам связи в тактическом, оперативном звене и пр. Мощный импульс в послевоенный период получил самый широкий спектр радиолокационных средств (основы которых создавались еще до ВМВ), технологии которых претерпевали значительные изменения. В современных условиях многие специалисты отмечают особую значимость развития пассивных радиолокационных средств в силу возросшей уязвимости активных радиолокационных станций.

При рассмотрении темы «эволюция средств вооруженной борьбы» необходим и детальный анализ локальных войн второй половины XX и первой четверти XXI века. Среди них, в частности, следует отметить арабо-израильскую войну октября 1973 г., в ходе которой использовался весь спектр современных по тому времени вооружений, особенно танков и авиации, причем почти исключительно советских (с арабской стороны) и американских (с израильской стороны). Масштабы боев были соизмеримы с тем, что имело место в ходе ВМВ, и это было столкновение примерно равных по своим возможностям противников. И в танках, и в авиации стороны понесли огромные потери.

Начало октябрьской войны 1973 г. было успешным для Египта и Сирии, а потом Израиль переломил положение дел в свою пользу. Советскому Союзу пришлось спасать своих союзников – дипломатическими методами, угрозой применения военной силы. В конечном итоге Египет в лице Анвара Садата развернулся в сторону США, несмотря на огромные вложения СССР в экономику Египта, в его вооруженные силы.

Восстановление наших отношений с Египтом в военной сфере произошло лишь в 1990-е годы. Мне довелось в этом принимать непосредственное участие, возглавляя делегацию российского военного ведомства в Каир для переговоров с министром обороны и начальником генштаба египетских вооруженных сил. Очень полезным был разбор с нашими египетскими коллегами действий в октябре 1973 г. Египта и Израиля на Синайском полуострове. Поучительной оказалась представленная мне руководством Минобороны Египта оценка непосредственного влияния политических установок президента Анвара Садата на оперативные цели и задачи ударной группировки египетских вооруженных сил. Садат, как утверждали египетские военные, ставил перед своей армией ограниченную задачу: не «сбросить Израиль в Средиземное море», а лишь освободить Синайский полуостров, занятый Израилем в ходе предыдущей арабо-израильской войны.

Определенное значение в эволюции средств вооруженной борьбы имеет и опыт последующих локальных войн и вооруженных конфликтов,

включая войну в Персидском заливе 1991 г., агрессию США и Великобритании против Ирака в 2003 г., российскую операцию по «принуждению к миру» в Грузии в 2008 г., разноплановые военные действия в Сирии, Карабахскую войну 2020 г.

Например, война в Персидском заливе и военная операция США и Британии против Ирака показали возросшее значение для хода боевых действий массированного применения авиации, в том числе авианосной, и высокоточного дальнобойного оружия, средств радиоэлектронной борьбы («электромагнитного удара»). Но, разумеется, все это надо рассматривать под углом зрения того, что вооруженная борьба в этих конфликтах велась весьма неравными противниками.

Карабахская война 2020 г. заслуживает особого внимания с точки зрения роли беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), опыт применения которых был, как представляется, учтен в недостаточной мере, несмотря на ряд важных исследований, проведенных по горячим следам, в числе которых я бы особо отметил разработку такого серьезного автора, как Руслан Николаевич Пухов (Буря на Кавказе, 2021).

М.С.: Какие тенденции в развитии средств вооруженной борьбы Вы бы отметили, начиная, скажем, с двух последних десятилетий XX века?

А.К.: Эволюция средств вооруженной борьбы уже в 1980-е гг. поставила вопрос относительно будущего танка, надводного корабля, пилотируемой ударной авиации. Довольно аккуратно, но однозначно указывал на это Маршал Советского Союза Николай Васильевич Огарков, с которым мне довелось общаться, когда я был первым заместителем министра обороны РФ. Он был бесценным советником для меня и для начальника российского Генерального штаба генерала армии Михаила Петровича Колесникова. Многие советские военачальники в 1980-е годы были не согласны с мнением Огаркова относительно роли танка, считая его по-прежнему главным ударным средством Сухопутных войск, настаивая на массированном применении танков в будущих войнах, в духе действий советских танковых армий в ходе Великой Отечественной войны и масштабных учений Сухопутных войск послевоенного периода. Нельзя не отметить, что в преддверии роспуска СССР, по официальным данным Минобороны СССР, к концу 1980-х гг. в составе наших вооруженных сил имелось 63 900 танков и 76 520 бронетранспортеров и боевых машин пехоты.

В современных условиях в средствах борьбы с танком к переносным противотанковым управляемым ракетам (ПТУР), ствольной артиллерии, ударным вертолетам штурмовой авиации добавились БПЛА, наносящие удар с верхней полусферы. Таким образом, остро стоит вопрос наращивания собственных средств защиты танка. Выдвигаются интересные предложения об оснащении танковых подразделений собственными БПЛА-перехватчиками для поражения дронов-«камикадзе». Об этом пишет, в частности, такой известный и интересный автор, как Александр Борисович Широкоград.

Уже в 1980-е годы ставился вопрос о превращении радиоэлектронной борьбы из обеспечивающего средства в непосредственно боевое, о перспективности превращения РЭБ в род войск (скажем, в Сухопутных войсках). Обсуждение этого вопроса отечественными специалистами активизировалось вновь в современных условиях (в частности, на страницах журнала Минобороны РФ «Военная мысль»).

Иной характер приобрела борьба за господство в воздухе, нежели это было в ходе ПМВ, Великой Отечественной войны и в ряде локальных конфликтов XX века.

М.С.: В продолжение темы – насколько сегодня актуальны идеи фон Клаузевица? Одни считают их вечными и потому релевантными и для современных конфликтов. Но есть и те, кто полагает его идеи устаревшими и не адекватными задачам, механике и «духу» современных войн (Kaldor, 2010). Какая позиция Вам ближе?

А.К.: Оценивая Клаузевица, надо различать природу войны и характер войны. Первая во многом связана с природой человека, меняющейся в мировой истории очень медленно, если вообще меняющейся. Характер войны, естественно, со временем может существенно меняться под воздействием геополитических и особенно технологических изменений, о чем мы говорили выше. То, что писал Клаузевиц о характере войны для первой трети XIX века, устарело для последующих исторических периодов, задолго до нашего времени. Что касается природы войны, то здесь многое из наследия этого военного теоретика и историка остается и останется актуальным.

Я бы выделил прежде всего известное положение Клаузевица о том, что война есть продолжение политики другими, а именно насильственными средствами. Клаузевиц отмечал, что первоначальные политические намерения, цели могут в ходе войны подвергаться «значительным изменениям» в зависимости от результатов военных действий.

А.А. Свечин и Б.М. Шапошников глубоко и аргументированно развили эти темы: они говорили о примате политики по отношению к военной стратегии, об особой важности постановки политических целей войны для стратегии, представили важное замечание об обратной связи между политикой и военной стратегией (Свечин, 2023). Развитием этой бессмертной темы стал вопрос о взаимоотношениях в треугольнике политика – идеология – военная стратегия, чему я тоже уделял много внимания в нескольких своих исследованиях (Кокошин, 2019).

Полезны для современных условий и рассмотренные Клаузевицем требования к полководцу.

Во все времена неизменно важным остаются его размышления о значении морально-психологического фактора на войне, о феномене *«трения войны»* и о *«тумане войны»*. *«Трению войны»* Клаузевиц посвятил специальный раздел в своей главной работе «О войне». Его мысли о *«трении войны»* и *«тумане войны»* необходимо учитывать при развитии систем и средств управления военными машинами, включая средства разведки, наблюдения,

связи, при планировании и проведении боевых действий в любом масштабе – стратегическом, оперативном, тактическом (Кокошин и др., 2021). Клаузевиц писал, что *«военная машина чрезвычайно проста»*, в силу чего кажется, что *«ею легко управлять»*, но *«ни одна из ее частей не сделана из целого куска»*, напротив, *«все решительно составлено из отдельных индивидов, испытывающих трение по всем направлениям»*. Конечно, современные военные машины ведущих государств уже давно не так просты. Наоборот, они становятся все более сложными человеко-машинными системами, можно сказать, суперсистемами с многочисленными «интерфейсами». Но во главе каждого из компонентов военной машины остаются люди, те же отдельные индивиды, о которых писал Клаузевиц, со всеми их психологическими, умственными и физическими характеристиками.

Значительный интерес по-прежнему представляют его размышления о методологии и методах военно-теоретических и военно-исторических исследований. Сам он неоднократно обращается к использованию «сослагательного наклонения» в анализе различных военно-исторических эпизодов. Оценивая жизненность идей и разработок Клаузевица, нельзя забывать о том, что базой его теоретических построений является глубокий историзм, а его теоретический труд «О войне» основывается на большом пласте военно-исторических исследований.

Наиболее значимой из собственно исторических работ Клаузевица является книга «1812 год». Это удачное сочетание научного труда со свидетельствами участника Отечественной войны, ведь Клаузевиц был в составе действующей русской армии. Именно в этом труде на конкретных примерах хода военных действий рельефно показано то самое *«трение войны»*. Немало места уделено морально-психологическому фактору, особенно умению русского полководца Михаила Илларионовича Кутузова поднять моральный дух наших войск. Клаузевиц показал, что Кутузов в этом отношении был выше Михаила Богдановича Барклая-де-Толли, тоже выдающегося полководца, который сыграл огромную роль в спасении нашего Отечества в 1812 году, разработав замысел стратегической обороны и реализуя этот замысел вплоть до передачи командования Кутузову. В этой войне, как известно, Российская империя, наша армия во главе сначала с Барклаем, а затем с Кутузовым одержала экстраординарную победу над одним из самых сильных полководцев всех времен и народов – Наполеоном.

М.С.: Говоря о Клаузевице, не могу не спросить о носителе другой традиции военного искусства – Сунь Цзы. На Западе уже несколько лет наблюдается ренессанс интереса к его идеям, особенно в контексте т.н. гибридных и ментальных войн. В своей работе о наследии Сунь Цзы Вы отмечаете, что «этот трактат – один из важнейших образцов традиционного китайского общественно-научного мышления, который во многом сохраняет свою актуальность и в XXI в.» (Кокошин, 2016). У нас много – по понятным причинам – говорят и пишут о разных модальностях военной угрозы с Запада.

А что важно понимать российской аудитории в части китайского военного искусства, планирования и стратегии?

А.К.: Знакомство с трактатом Сунь Цзы, проникновение в суть мысли этого выдающегося китайского мыслителя и полководца весьма полезно для понимания современного китайского подхода к войне и военному искусству, и для понимания природы войны вообще. В этом отношении Сунь Цзы, как и Клаузевиц, остается одним из столпов военной мысли на все времена. Весьма поучительны и сочинения китайских комментаторов Сунь Цзы в различные исторические эпохи вплоть до новейшего времени.

Оценить влияние идей Сунь Цзы на военную мысль Китая в новейшее время мне довелось в 1990-е гг., когда я на практике занимался становлением российско-китайских отношений в военной и военно-технической сфере (Кокошин, 2016). За прошедшие с той поры годы я неоднократно бывал в КНР с различными миссиями, выступал в китайских профессиональных аудиториях по политико-военным вопросам, получая при этом важную обратную связь. На китайском языке в КНР опубликовали пять моих книг по различным теоретическим вопросам политико-военного характера. Могу попутно отметить, что в целом у наших китайских друзей и коллег большой интерес к советской и российской военно-теоретической мысли.

«Знай себя и врага» – именно это положение трактата Сунь Цзы можно считать ключевым элементом его учения. При этом в Китае глубокое знание собственных реальных военных возможностей традиционно считается более сложной задачей, чем знание противника. На этот тезис Сунь Цзы в свое время обратил мое внимание генерал-полковник НОАК, тогда член Политбюро ЦК КПК и зампред Центрального военного совета КНР Цао Ганчуань. Он хорошо знает русский язык, учился в МВТУ и в Артиллерийской академии имени Дзержинского. Цао обратил мое внимание также на известную в Китае мысль древнего философа Лао Цзы, современника Сунь Цзы и Конфуция, который считал познание самого себя более высоким уровнем знания, чем познание других людей.

Цао Ганчуань, кстати, считается прямым потомком выдающегося китайского полководца II–III вв. н. э. Цао Цао, который был одним из важнейших комментаторов Сунь Цзы.

Следуя заветам Сунь Цзы, в Центральном военном совете, возглавляемом Генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином, понимают, что современные военные машины исключительно сложны и требуются огромные системные усилия для понимания их сильных и слабых сторон высшим государственным руководством и военным командованием.

В размышлениях Сунь Цзы также обращает на себя внимание требование к тщательной отработке замысла войны и военных действий, что нашло свое отражение в современных теоретических и прикладных воззрениях в Китае.

Сунь Цзы едва ли не первый в мировой истории обратил внимание на такой важнейший вопрос как экономика войны, ее финансовая сторона

(на что, к сожалению, нередко не обращают внимания во многих военно-научных трудах).

Китайские военные теоретики и военачальники ценят размышления этого мыслителя о роли военного управления. В противоборстве с противником особая важность успеха в качестве и в средствах управления обоснованно подчеркивается сегодня рядом серьезных отечественных и зарубежных военных специалистов. Надо постоянно помнить о том, что наша победа в Великой Отечественной войне была обеспечена тогда, когда мы достигли превосходства над вермахтом в управлении во всех звеньях.

Писал Сунь Цзы и об исключительно важном значении разведки и разведчиков и, как и у Клаузевица, у него присутствуют глубоко продуманные требования к тому, каким должен быть полководец. По мысли Сунь Цзы, полководцу требуется иметь пять качеств: он должен обладать умом, быть беспристрастным (или справедливым), гуманным, мужественным и строгим.

Человек, стремящийся познать эволюцию китайской военной мысли, должен обращаться к Сунь Цзы и к тем, кто творил в этом направлении после него. Трактат Сунь Цзы, как и работы других китайских военных теоретиков прошлого, полны образности. Их перевод требует высокопрофессиональных комментариев китаистов, а для читателя такие комментарии не менее познавательны, чем сам перевод трудов. Я бы прежде всего порекомендовал читать «Избранные труды. Синология», серьезнейшую работу выдающегося отечественного академика-востоковеда Николая Иосифовича Конрада. В ней содержится перевод и глубокое исследование трактата Сунь Цзы (Конрад, 1977).

Надо вспомнить, что Сунь Цзы (как, впрочем, и Клаузевица) высоко ценил Мао Цзэдун. Мао зарекомендовал себя как самостоятельный военный мыслитель, разработавший, в частности, под влиянием Сунь Цзы теорию победоносной партизанской войны, на которую десятилетия спустя опирались в своей национально-освободительной борьбе движения во многих колониальных и зависимых странах. Военно-теоретическое наследие Мао не забывают и в современном Китае, но не воспринимают его догматически.

Формулы Мао, разумеется, нельзя прилагать напрямую к современной стратегии НОАК, но они очень важны как сгусток мысли для понимания одного из важнейших этапов развития политико-военной и военной стратегии КНР.

Специальный анализ трактата Сунь Цзы провел в свое время вьетнамский лидер Хо Ши Мин, который на его основе написал два собственных труда, имевших принципиально важный прикладной характер для вьетнамских патриотов. Большое внимание Хо Ши Мин уделял тезису Сунь Цзы о том, что *«война – это путь обмана»*, на основе которого он сформулировал свои двенадцать пунктов, которые читаются как наставление по подготовке и проведению операций.

История показала, что вьетнамские патриоты строго следовали этим наставлениям и до сих пор считают, что именно благодаря теоретическим разработкам Хо Ши Мина, опирающимся на трактат Сунь Цзы, была обеспечена выдающаяся победа сначала над французами, а затем США и их

южновьетнамскими марионетками. Могу отметить, что впечатляющую работу по переводу и анализу трудов работ самого Хо Ши Мина провел профессор Санкт-Петербургского государственного университета Владимир Николаевич Колотов (Хо Ши Мин, 2022).

К большому сожалению, Сунь Цзы и в целом китайской военной мысли у нас практически не уделяется внимание в профессиональных военных изданиях. А ведь роль наших взаимоотношений с этой великой страной и цивилизацией трудно переоценить, особенно в условиях того, как они складываются в последние годы, в том числе в военной сфере. Давно назрела потребность перевести и издать у нас работы важнейших современных китайских военных теоретиков и военных историков.

М.С.: Еще две темы, которыми Вы всегда активно занимались – сдерживание и эскалация. Если сдерживание не работает, стороны в конфликте приходят к необходимости управления эскалацией. В одной из своих работ Вы подробно раскрываете этот феномен и, отталкиваясь от анализа *«лестницы эскалации»* Г. Кана (Kahn, 2010), предлагаете с коллегами собственный вариант из 17 ступеней (Кокошин и др., 2021). Судя по актуальному состоянию российско-западного противостояния, мы уже забрались на весьма высокую ступень этой «лестницы» и продолжаем подбираться к конфликту с применением ядерного оружия. Так ли это или это эффект нагнетания информационного шума? И если так, видите ли Вы в текущей ситуации действенные варианты по деэскалации конфликта?

А.К.: Предложенная мной и генералами Ю.Н. Балухевским, В.И. Есиным, А.В. Шляхтуровым *«лестница эскалации»* носит во многом схематичный, условный характер. Занимаясь доработкой этого вопроса сегодня, мы, наверное, пошли бы значительно дальше и увеличили число ступеней «лестницы», но не до такого числа, какое было представлено Германом Каном 60 лет назад, когда бы издана первая редакция его работы.

Благодаря проводимой США и их союзниками политике ведения «гибридной войны» против России со все более значительными поставками вооружений и военной техники Украине, в том числе средств поражения, действующих на глубину на сотни километров, конфликт действительно поднялся довольно высоко по *«лестнице эскалации»*. Возникла угроза перехода «ядерного порога». Запад демонстрирует весьма высокий уровень безответственной готовности к высочайшим рискам ради «стратегического поражения» России. Наша страна выражает готовность к мирным переговорам на условиях, которые были четко обозначены Президентом В.В. Путиным. Российское руководство также позитивно оценило китайские инициативы по мирному урегулированию этого конфликта.

М.С.: Вы много исследовали и популяризировали отечественных специалистов в области военного дела, считаете, насколько можно судить, наиболее выдающимся в плеяде таких теоретиков А.А. Свечина. В чем особая ценность военно-теоретического наследия этого человека, о котором Вы написали в 2013 г. специальную монографию (Кокошин, 2013)?

А.К.: Начну с того, что Александра Андреевича Свечина я ставлю, по крайней мере, не ниже Клаузевица. В любом случае Свечин значительно видного британского военного историка и теоретика Б. Лиддел-Гарта. Как я уже отмечал, Свечин раскрыл сущность военной стратегии, ее теснейшее переплетение с внешней и внутренней политикой.

Удивительны его предвидения – он сумел заглянуть в следующий цикл мировой политики. В отличие от многих других отечественных и зарубежных военных теоретиков Свечин очень тонко и глубоко понимал хитросплетения современной ему мировой политики. Он, в частности, предвидел, что Польша будет первой жертвой Германии в будущей войне, предвидел неустойчивость и недолговечность такого образования, как Чехословакия. Огромное значение имеют его положения о важности стратегической обороны для СССР в будущей войне. Он также один из авторов формул оперативного искусства, его взаимосвязи со стратегией и тактикой. Его работы чрезвычайно важны и тем, что в них были подняты принципиальные вопросы экономики Вооруженных сил, экономики войны.

Считаю, что и его «Эволюция военного искусства» остается непревзойденной до настоящего времени и у нас, и за рубежом. Этот труд требует специального «путеводителя», краткого концентрированного изложения, который можно было бы использовать при подготовке военных и гражданских кадров для наших Министерства обороны, Вооруженных сил, аппарата Совета безопасности.

Особенно следует отметить глубочайший историзм Свечина, что характерно и для ряда других советских военных теоретиков, военных ученых, специалистов, военачальников, которые работали в 1920–1930-е годы. Они, как правило, демонстрировали высочайшие знания и культуру мышления, великолепный русский язык, обладали научной и гражданской смелостью. В значительной мере это, к сожалению, было утрачено после массовых репрессий конца 1930-х годов. После Великой Отечественной войны эти утраты сказывались десятилетиями.

Свечин признан в конце концов и в нашей стране, и за рубежом как один из наиболее выдающихся военных мыслителей. Однако на деле современные военные теоретики, специалисты в военно-научной сфере обращаются к нему не так часто, как следовало бы. Между тем творчество этого военного теоретика, военачальника дает множество полезных уроков. И среди них, повторяюсь, культура мышления, историзм, блистательное владение русским языком, подлинный патриотизм.

М.С.: В заключение – кто еще из отечественных теоретиков, по Вашей оценке, внес наибольший вклад в общее наследие отечественных политико-военных исследований? И в чем, если так можно выразиться, сила русской школы прикладной теории войны?

Кроме Свечина из числа крупнейших отечественных теоретиков, военных ученых я бы выделил Георгия Самойловича Иссерсона, Владимира Кириаковича Триандафиллова, Владимира Арсеньевича Меликова, Андрея

Евгеньевича Снесарева. Среди крупнейших военачальников, оставивших заметный след в военной науке, наряду с Борисом Михайловичем Шапошниковым можно отметить Михаила Васильевича Фрунзе, Иеронима Петровича Уборевича, Александра Ильича Егорова, Матвея Васильевича Захарова, Владимира Николаевича Лобова, в определенной мере Михаила Николаевича Тухачевского. Последнему при этом нельзя простить его попыток шельмования Свечина, некоторые его сверх радикальные идеи о техническом оснащении Красной Армии.

Не могу не отметить, что среди тех современных военных теоретиков, которые вели самостоятельные исторические исследования, был генерал армии Махмут Ахметович Гареев, долгие годы плодотворно возглавлявший Академию военных наук. Чрезвычайно ценную работу в военно-исторической науке провел и проводит профессор, генерал-майор Владимир Антонович Золотарев, автор многочисленных крупных и важных научных публикаций, весьма успешный руководитель крупных научных коллективов. С большой отдачей работают над серьезными научными проблемами на стыке военной науки, технических и естественных наук президент Российской академии ракетно-артиллерийских наук, генерал-майор Василий Михайлович Буренок, академик РАН Игорь Анатольевич Шеремет и целый ряд других авторов, преимущественно тех, кто связан с научно-исследовательскими институтами Минобороны России и Военной академией Генерального штаба Вооруженных сил России. Среди последних я хотел бы особо отметить такого крупного военного историка, как Алексей Валерьевич Исаев. Весьма значительный вклад в развитие отечественной военно-исторической и военно-теоретической мысли в новейшее время внес такой серьезнейший автор, как полковник, доктор исторических наук Сергей Николаевич Михалев, который в том числе обогатил нашу науку своим фундаментальным трудом «Военная стратегия. Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени» (Михалев, 2003).

Большим достижением советской военной мысли 1920-х – 1930-х гг. была теория «глубокой операции». К сожалению, на практике Красной Армии удалось ее осуществить только со второй половины 1943 г.

Очень поучительны для современных прикладных военно-научных исследований дебаты советских военно-морских ученых и специалистов в 1920-е – 1930-е гг. о будущем флота. Перед началом Первой мировой войны имели место похожие дебаты о будущем флота Российской империи. После Великой Отечественной войны таких открытых обсуждений, к сожалению, не было.

Президентом России – Верховным главнокомандующим поставлена задача строительства мощного сбалансированного Военно-морского флота России, развития кораблестроительной промышленности, соответствующего приборостроения для нужд флота. Этот вопрос требует глубокой научной проработки как военными, так и гражданскими учеными и специалистами

на стыке различных научных дисциплин с учетом развития геополитической обстановки, экономических возможностей России, с учетом всего нашего богатого исторического опыта – и Советского Союза, и Российской империи.

В целом, своей методологией, логикой, систематичностью работы многих отечественных теоретиков не просто интересны, но и крайне поучительны.

Список литературы

1. *Буря на Кавказе* (2021) под ред. Р.Н. Пухова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 128 с.
2. Кокошин А.А. (2003) *Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России*. М.: РОССПЭН.
3. Кокошин А.А. (2013) *Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин*. М: Изд. Московского университета.
4. Кокошин А.А. (2016) О наследии Сунь Цзы. *Социологические исследования*. 390 (11): 114–123.
5. Кокошин А.А. (2019) *Вопросы прикладной теории войны*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
6. Кокошин А.А., Балуюевский Ю.Н., Есин В.И., Шляхтуров А.В. (2021) *Вопросы эскалации и деэскалации кризисных ситуаций, вооруженных конфликтов и войн*. М.: ЛЕНАНД.
7. Конрад Н.И. (1977) *Избранные труды. Синология*. М.: Главная редакция восточной литературы. Издательство «Наука».
8. Михалев С.Н. (2003) *Военная стратегия: Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени*. М.: Кучково поле.
9. Свечин А.А. (2023) *Стратегия: искусство политики и войны*. М.: Издательство «Родина».
10. Усиков А.В., Бурутин Г.А., Гаврилов В.А., Ташлыков С.Л. (2008) *Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах. Вторая половина XX – начало XXI века*. Под общей редакцией генерал-полковника А.С. Рукшина. М.: Военное издательство.
11. Хо Ши Мин. (2022) *Законы войны Сунь-цзы. 1945–1946*. Перевод с вьетнамского и комментарии В.Н. Колотова. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета.
12. Adamsky D. (2010) *The Culture of Military Innovation: The Impact of Cultural Factors on the Revolution in Military Affairs in Russia, the US, and Israel*. Stanford University Press, 248 p.
13. Adamsky D. (2023) *The Russian Way of Deterrence: Strategic Culture, Coercion, and War*. Stanford University Press, 226 p.
14. Kahn H. (2010) *On Escalation: Metaphors and Scenarios* (1st edition – 1965, Praeger). Routledge. DOI: 10.4324/9781315125565.
15. Kaldor M. (2010) Inconclusive Wars: Is Clausewitz Still Relevant in These Global Times? *Global Policy* (1): 271–281. DOI: 10.1111/j.1758-5899.2010.00041.x.

ON WAR OF THE PAST AND THE PRESENT: THE EVOLUTION OF MEANS OF ARMED STRUGGLE AND MILITARY THOUGHT IN THE CONDITIONS OF GLOBAL CONFRONTATION

About the interviewee:

Dr. Andrey A. KOKOSHIN – Full member of Russian Academy of Sciences; Director, Institute for Advanced Strategic Studies, HSE University.

ORCID: 0009-0009-0740-6509. E-mail: aakokoshin@gmail.com
20 Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000

The interview was conducted by **Dr. Maxim A. SUCHKOV**, Associate Professor, Department of European and American Studies; Director, Institute for International Studies, MGIMO University; Deputy Editor-in-Chief, "Comparative Politics Russia" Journal.

ORCID: 0000-0003-3551-7256. E-mail: suchkov.m@my.mgimo.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Received July 25, 2024

Accepted August 23, 2024

Acknowledgements. This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order".

Abstract: War as a political and social phenomenon is one of the central subjects in political science and international studies. This is one issue where theory and practice are intertwined most closely and updated most frequently since each new military conflict discovers new facets of war and peace for researchers, military and policy-making circles. This theme nests a number of related disciplines and subtopics some of which have become especially relevant amidst growing interstate rivalry on a global scale and in certain regions of the world. What do "containment" and "escalation" mean today? To what extent is a state's foreign policy strategy determined by its "strategic culture"? How relevant are the ideas of the great military thinkers of the past to modern and future wars? At the center of all these stories is the issue of the evolution of means of armed struggle: how they are changing and what humanity can come to as a result of the "arrogance of force" of some states. To discuss these and other matters, *Comparative Politics Russia* sat down with Dr. Kokoshin, one of Russia's leading experts in the field of military-political, socio-economic and technological aspects of international and national security.

Key words: strategic culture, forecasting, means of fighting war, strategy, military planning, escalation, deterrence, Svechin, Clausewitz, Sun Tzu

References

1. Adamsky D. (2010) The Culture of Military Innovation: *The Impact of Cultural Factors on the Revolution in Military Affairs in Russia, the US, and Israel*. Stanford University Press, 248 p.

2. Adamsky D. (2023) *The Russian Way of Deterrence: Strategic Culture, Coercion, and War*. Stanford University Press, 226 p.
3. Ho Chi Minh (2022) *Sun Tzu's Laws of War. 1945-1946 [Zakony vojny Sun' Czy. 1945-1946]*. Translation from Vietnamese and comments by V.N. Kolotov. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian).
4. Kahn H. (2010) *On Escalation: Metaphors and Scenarios* (1st edition - 1965, Praeger). Routledge. DOI: 10.4324/9781315125565.
5. Kaldor M. (2010) Inconclusive Wars: Is Clausewitz Still Relevant in These Global Times? *Global Policy* (1): 271-281. DOI: 10.1111/j.1758-5899.2010.00041.x.
6. Kokoshin A.A. (2003) *Strategic Management. Theory, Historical Experience, Comparative Analysis, Challenges for Russia [Strategicheskoe upravlenie. Teoriya, istoricheskij opyt, sravnitel'nyj analiz, zadachi dlya Rossii]*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
7. Kokoshin A.A. (2013) *Outstanding Russian Military Theorist and Military Commander Alexander Andreevich Svechin [Vydayushchijsya otechestvennyj voennyj teoretik i voenachal'nik Aleksandr Andreevich Svechin]*. Moscow University Press. (In Russian).
8. Kokoshin A.A. (2016) On the legacy of Sun Tzu [O nasledii Sun' Czy]. *Sociological Studies [Sociologicheskie issledovaniya]*. 390 (11): 114-123. (In Russian).
9. Kokoshin A.A. (2019) *Issues of Applied Theory of War [Voprosy prikladnoj teorii vojny]*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russian).
10. Kokoshin A.A., Baluevsky Y.N., Esin V.I., Shlyakhturov A.V. (2021) *Issues of Escalation and De-escalation of Crisis Situations, Armed Conflicts and Wars [Voprosy eskalacii i deeskalacii krizisnyh situacij, vooruzhennyh konfliktov i vojn]*. Moscow: LENAND. (In Russian).
11. Konrad N.I. (1977) *Selected Works. Sinology [Izbrannye trudy. Sinologiya]*. Moscow: Main Editorial Office of Oriental Literature. Nauka Publishing House. (In Russian).
12. Mikhalev S.N. (2003) *Military Strategy: Preparation and Conduct of Wars of New and Modern Times [Voennaya strategiya: Podgotovka i vedenie vojn Novogo i Novejshego vremeni]*. Moscow: Kuchkovo Pole Publishing House. (In Russian).
13. *Storm in the Caucasus [Burya na Kavkaze]* (2021), R.N. Pukhov (ed.). Moscow: Center for Analysis of Strategies and Technologies, 128 p. (In Russian).
14. Svechin A.A. (2023) *Strategy: The Art of Politics and War [Strategiya: iskusstvo politiki i vojny]*. Moscow: Rodina Publishing House. (In Russian).
15. Usikov A.V., Burutin G.A., Gavrilov V.A., Tashlykov S.L. (2008) *Military Art in Local Wars and Armed Conflicts. The Second Half of XX-Beginning of XXI Century [Voennoe iskusstvo v lokal'nyh vojnah i vooruzhennyh konfliktah. Vtoraya polovina XX- nachalo XXI veka]*. Under the general editorship of Colonel-General A.S. Rukshin. Moscow: Military Publishing House. (In Russian).